

БОРИС ВИКТОРОВИЧ
ТОМАШЕВСКИЙ

**ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)
АН СССР**

**СОВЕТСКИЙ
ФОНД
КУЛЬТУРЫ**

*Портрет Б. В. Томашевского и его
личная подпись*

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ТОМАШЕВСКИЙ

1890 — 1957

К 100-летию

со дня

рождения

МОСКВА

1991

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ВСЕСОЮЗНОЕ ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редактор: *С. А. Фомичев*
Составители: *Е. В. Звезденкова,*
С. Б. Федотова
Художник: *Э. Насибулин*

Сдано в набор 28.12.90 Подписано к печати 11.02.91 Высокая печать
Бумага тип. № 2 Формат 60×84¹/₁₆ д. л. 2,0 усл. печ. л.
1,2 уч.-изд. л. Заказ 154к Тираж 1000 экз.

«Петит», Производственно-издательский комбинат ЦНИИТЭИ,
123290, Москва, Шмигоровский пр., 59

Пушкинский кабинет ИРЛИ

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ТОМАШЕВСКИЙ

Борис Викторович Томашевский, выдающийся советский филолог, человек разностороннего дарования, яркий и самобытный ученый, оставил большое литературное наследие. Он был историком лестиатуры и лингвистом, теоретиком стиха и текстологом. В круг его научных интересов входили французская литература XVII — начала XIX века, русская литература XVIII века, новая русская литература, поэзия начала XX века и прежде всего Пушкин.

Он принадлежал к тому поколению ученых, которые закладывали основы советской филологической науки. Юность и ранняя молодость этого поколения пришлось на эпоху войн и революций. Томашевский родился 29 ноября 1890 года. В 1908 году, после окончания гимназии, он был вынужден уехать в Бельгию, так как за участие в революционном кружке доступ к высшему образованию в России был ему закрыт. В 1912 году он окончил Льежский университет (институт Монтефиоре) с дипломом инженера-электрика. В годы учебы проявились и его филологические интересы: Томашевский слушал лекции в Сорбонне, занимался в Парижской национальной библиотеке. Здесь были заложены основы его глубоких знаний французской литературы.

Вернувшись в Россию в 1913 году, молодой ученый начинает работать в архиве Пушкинского дома, готовит реферат «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» для семинария С. Венгерова.

Первые печатные работы Томашевского — о французских поэтах XVIII века, о стихе «Песен западных славян» Пушкина, рецензии на стиховедческие работы С. Боброва и Д. Гинцбурга — появились в 1915—1916 годах в журнале «Аполлон». Эти области литературоведения — наука о стихе и творчестве Пушкина — будут привлекать ученого всю жизнь.

Своеобразие Томашевского как ученого заключалось в том, что в нем соединялись филолог и математик. У него не было филологического диплома (степень доктора филологических наук он получил по совокупности работ только в 1941 году), но именно филология стала его основной специальностью. При этом математика помогла ему выработать метод исследования русского стиха, она же была его увлечением. Он любил музыку, увлекался и балетом, но часто отдыхал в мире цифр и

формул. На письменном столе Томашевского рядом с рукописью монографии о Пушкине можно было увидеть листочки со сложными математическими вычислениями. «Это я определял координаты луны на сегодня», — несколько смущенно объяснял он. Математической точностью и ясностью мысли отличаются его текстологические и историко-литературные работы («ясность мысли» — эти слова в его устах были всегда высшей похвалой ученому). Ни одного положения он не высказал без аргументации, и если для этого приходилось вторгнуться в незнакомую ему область — делал это. Когда в 1953 году Пушкинский дом получил новые работы румынских исследователей о Пушкине, Томашевскому понадобилось две недели, чтобы сказать: «Интересные работы. Пришлось выучить румынский язык».

Первое десятилетие XX века в науке о литературе было эпохой поисков и споров. Молодых ученых перестала удовлетворять старая академическая и университетская наука. Биографический метод, как и историко-культурный, достиг большой изощренности, но привел к утрате ощущения литературного произведения как явления словесного искусства. Анализ литературы был подменен изучением явлений, соприкасающихся с литературой (биографии, истории культуры, генеалогии, психологии, социологии и т. д.). Поколение, к которому принадлежал Томашевский, переходило к иным методам и проблемам, считая, что литература должна быть прежде всего объектом эстетического рассмотрения. Образовались кружки и общества молодых филологов, которые увлеченно взялись за забытую университетской наукой поэтику. В Петербурге это было Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), в Москве — Московский лингвистический кружок (МЛК, или «Емелька», как называл его Томашевский). Каламбур обнажал агрессивную позицию молодых ученых по отношению к традиционному литературоведению. В этих обществах зародилась новая школа, исповедовавшая так называемый формальный метод. Приверженцами новой методологии были Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, В. Шкловский, Г. Винокур и др. Выступая против эклектического «академизма» и импрессионистической символистской критики, они в своем стремлении преодолеть характерный для современного им литературоведения дуализм формы и содержания выдвигали на первый план изучение формы как основного носителя специфики искусства.

Интерес к стиху, его фактуре сблизил Томашевского с ОПОЯЗом. Он принимал участие в работе ОПОЯЗа, выступал

там с докладами, он занимал в Обществе особую позицию. В статье 1925 года «Формальный метод. Вместо некролога» (прочитана в виде доклада осенью 1922 года) он излагал краткую историю этого Общества. Статья написана в свойственной молодому Томашевскому острой, язвительной манере. Рассказывая о «событиях бурной и быстротечной жизни» формализма, Томашевский разъясняет, что сам он понимает под формализмом: «Формализм так назван не потому, что он предложил новый метод, а потому, что он замкнулся в круге вопросов, определявшихся старым термином «форма» (термином по существу отрицательным). Название это изобретено не по признаку метода, а по признаку материала».

Для Томашевского формализм — интерес к «конкретностям, специфически свойственным словесному искусству». Томашевскому — стиховеду на первой стадии его филологических изучений было близко свойственное и другим участникам ОПОЯЗа понимание литературы как искусства, материалом которого является художественно организованное слово.

В статье «Стих и ритм» (1928) Томашевский писал, что ему «весело работать над стихом», потому что «в этой области почти все — спорно». Действительно, в начале 1910-х годов стиховедение вступило в период споров и дебатов. В 1910 году появилась книга Андрея Белого «Символизм». В отличие от своих предшественников, Андрей Белый исследовал не отвлеченные метрические схемы, а ритмические вариации живого стиха. Новаторством А. Белого было применение сравнительно-статистического метода. Томашевский начал свои стиховедческие исследования одновременно с А. Белым и независимо от него. Его статья «Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина», опубликованная в 1918 году, имеет авторскую дату: 1909—1915. Основные позиции этой статьи были изложены им еще в письмах к Брюсову из Льежа в ноябре 1910 — мае 1911 года¹.

Признавая ценность работ А. Белого, Томашевский вступил в борьбу с его дилетантизмом в области статистики. Томашевский, чем бы он ни занимался, всю жизнь был предельно, профессионально точен. Томашевский вторгся в филологию при помощи математических методов. Молодой ученый был хорошо знаком с такими блестящими достижениями ста-

¹ Опубликованы в кн. «Труды по знаковым системам», вып. V, «ученые записки Тартуского государственного университета», 1971, стр. 532—544.

тики, как Марковские процессы, он использовал в своей статье теорию вероятности, причем наряду с встречающейся вероятностью им была впервые в русском стихосложении введена вероятность высчитанная (по закону больших чисел). Соотнесение действительной вероятности с высчитанной позволило дать четкое статистическое и филологическое истолкование понятий «ритмическое усилие», «ритмическая работа», «ритмическое богатство». Со свойственной ему логической силой Томашевский защищал статистический метод. В ответ на упреки в увлечении статистикой он писал: «Не следует считать недостатком метода то, что он говорит цифрами, «сухой математикой». Статистика и теория вероятности суть именно те отрасли математики, которые изучают живые явления, и цифры в них так же живы, как лирические характеристики субъективного критика» («Стихотворная техника Пушкина», 1918). Способы определения ритмического богатства, примененные в статье «Ритмика четырехстопного ямба...», в 60-е годы были откорректированы А. Колмогоровым и в таком виде легли в основу недавних исследований М. Гаспарова о русских трехударных дольниках.

Томашевский был убежден, что наука о стихе должна пройти экспериментальный период. В печатных выступлениях о работах А. Белого он протестовал против «торопливости оценки индивидуальных явлений, нарушающей стройность исследования» («Пятистопный ямб Пушкина», 1919, напечатана в 1923 году), и утверждал: «Говорить сейчас о законах русского стиха рискованно» («О стихе «Песен западных славян», 1916). Чтобы выводить законы, нужно было преодолеть ряд общих наблюдений или субъективных соображений А. Белого, Брюсова и других стиховедов. Свои первые работы о стихе Томашевский называл «описательными, потому что они связаны с непосредственным обследованием материала, здесь шло накопление фактов, их описание и систематизация. Эти «описательные» работы были объединены в книге 1929 года «О стихе». Определение «описательные» было демонстративно полемичным и не выражало существа работ, ибо в них закладывались основы теории ритма и метра, которая была изложена в изданном посмертно курсе лекций «Стилистика и стихосложение», в статьях 40—50-х годов, вошедших в сборник «Стих и язык» (1959), наконец, в рецензии на книгу английского ученого Унбегауна «Русское стихосложение» (1957).

В книге «О стихе» был заложен методический и методологический фундамент современного стиховедения. Теоретиче-

ские работы конца 40—50-х годов показывают строгую последовательность ученого. Томашевский стремится завершить свои замыслы 20-х годов, но теперь уже можно было перейти к следующей стадии — серьезным историческим и теоретическим обобщениям.

В программной статье «Стих и язык», построенной на обширном поэтическом материале от Ломоносова до Маяковского, Томашевский формулирует положение о национальном своеобразии поэтической речи, которое будет опорным для его стиховедческих работ последних лет.

Концепция национального своеобразия поэзии, выдвинутая Томашевским, выходит за пределы стиховедения. Ее значение несомненно как для историко-литературных проблем, связанных со взаимодействием национальных литератур, так и для переводческой практики.

Проблема традиции и самобытности решается Томашевским на конкретном материале. В статье «Строфика Пушкина» (1958) он демонстрирует, как мастерски владел Пушкин художественным наследием и как смело распоряжался он строфическими формами, заимствованными у его русских и французских предшественников. Основную черту творчества Пушкина ученый видит в умении «быть оригинальным именно тогда», когда он «продолжал традицию». «Поэтому-то, — утверждает Томашевский, — его поэзия так крепка корнями в прошлом и тем не менее всегда обращена в будущее».

Диапазон теоретических работ Томашевского велик. В них можно найти и размышления над проблемами соотношения ритма и смысла, взаимосвязи стиха со стилем и языком, и одновременно тончайший анализ фактуры стиха, смыслового и эмоционально-экспрессивного значения отдельных стиховых элементов. Некоторые из этих работ возникли, казалось бы, от боковых импульсов, связанных с особенностями личности ученого. Томашевский знал и любил театр, он воспринимал «Горе от ума» не только как литературный памятник, но и как «живое репертуарное произведение». Поэтому естественно, что к нему обратились за консультацией актеры Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина в связи с постановкой комедии Грибоедова. Так была написана статья «Стихотворная система „Горя от ума“» (1946). Ее теоретическое содержание выходит за пределы практических задач сценической интерпретации. Томашевский показывает, как старомосковский разговорный язык, ко-

торым пользовался Грибоедов, определяет структуру стиха комедии.

Стиховедческие работы Томашевского продолжают быть живой плотью науки. Ученые 60—70-х годов все чаще обращаются к ним. Его называют «классиком стиховедения», от его работ отталкиваются, с ними полемизируют. Их главный «недостаток» в том, что они остались в виде сборников статей или стенограмм лекций, то есть не были завершены. На заседании, посвященном памяти Томашевского, в Пушкинском доме 3 октября 1957 года Б. Эйхенбаум говорил: «Теоретические работы Томашевского представляют собой неосуществленную мечту о создании единого труда по поэтике, в который вошли бы три раздела, которые входили в учебник: стилистика, метрика, тематика <...> Эта мечта не была достигнута, и это составляло научную трагедию последних лет жизни Бориса Викторовича (не боюсь этого слова), когда он производил впечатление человека мятущегося, рвущегося, ищущего, идущего к тому, чтобы доработать, доделать то, что было задумано в двадцатые годы».

После Октябрьской революции в круг научных интересов Томашевского входит текстология. «Революция 1917 г., наконец, создала долгожданные условия для возможности печатания полного текста. Цензурные затруднения уничтожены», — писал он. Дать новому читателю точные, очищенные, критически проверенные издания русских писателей — так понимал Томашевский первоочередную задачу молодой советской науки. С 1923 года он участвует в подготовке сочинений Островского, Достоевского, Гончарова, Кольцова и других в Госиздате, но в центре его внимания как текстолога (также как стиховеда и историка литературы) — Пушкин.

Новые текстологические принципы вырабатывались в связи с Пушкинием, потому что Пушкин был одним из самых трудных для издания авторов: за восемьдесят лет издательской практики в его «сочинениях» накопилось множество ошибок и искажений; кроме того, значительная часть его произведений не издавалась вообще, а многие из них дошли до нас в недоработанных и запутанных черновых вариантах или вообще не имели автографов. До конца 20-х годов издатели печатали черновые рукописи в виде так называемых «транскрипций», в которых старались с помощью сложных типографских приемов воспроизвести точную топографию автографа — расположение каждого его слова в пространстве независимо от последовательности написания. Черновой текст представлял собой,

таким образом, бесформенную группу не связанных между собою слов и обрывков фраз, из которых заведомо невозможно составить нечто цельное.

Новые взгляды на задачи и методы изучения рукописей вырабатывались представителями младшего тогда поколения пушкинистов, вышедших из пушкинского семинария Венгерова. Томашевский не принадлежал к семинарию (учился за границей, а потом был на фронте), но был связан с его участниками и работой, и общностью интересов по Госиздату. К практической задаче издания Пушкина он подошел не эмпирически, а как исследователь, и начал с наиболее трудного. В 1918 году он подверг резкой критике первые скороспелые издания (в том числе Брюсова) «Гавриилиады» за эклектичность и немотивированный текст, а в 1922 году уже подготовил свое издание поэмы. Так как автографы ее не сохранились, критический текст был установлен путем тонкого анализа и исторического сопоставления ряда современных и позднейших списков. Методика установления текста изложена в комментариях. Здесь же показаны соотношения поэмы с ее предшественниками в мировой литературе и дальнейшая ее роль в общественной жизни пушкинской поры.

В своих последующих изданиях «Медного всадника», «Каменного гостя», «Дубровского» и других (подготовленных уже в серии «Народная библиотека» Госиздата) Томашевский показал, что предполагаемое им прочтение черновой рукописи основано на всестороннем историко-филологическом исследовании произведения в целом. В статье 1934 года «Издания стихотворных текстов» он писал об этих выпусках «Народной библиотеки», что их «особый характер объясняется желанием редакторов показать характер работы, производившейся для установления текстов, печатавшихся в этой серии, и несколько популяризировать проблемы практической текстологии, продемонстрировав печальную судьбу произведений Пушкина».

На обложках и титулах книжек «Народной библиотеки» нигде не упоминалось имя редактора. Это было своеобразным вызовом традиции. В небольшой, но принципиальной статье «Судьба Дубровского» (1923) Томашевский подверг резкой критике дореволюционные текстологические приемы, когда всякий из издателей «делал карьеру на Пушкине» и «стремился проявить свою индивидуальность», в результате чего «печатался не Пушкин просто, а Пушкин Ефремова, Морозова, Венгерова и даже Брюсова». Для Томашевского

было очевидным, что путь к полному Пушкину идет от частного к общему, что «начинать надо с отдельных произведений ... постепено выправляя запущенный издателем текст». Вторым условием полного издания он ставил «сотрудничество», «коллективность в проверке текста и в его выборе». Таким образом, намечался тот коллективный метод работы над рукописями, который лег в основу подготовки академического издания Пушкина и других классиков.

Н. Измайлов справедливо отметил, что от «Гавриилиады», от первых изданий «Народной библиотеки» (в которых принимали участие С. Бонди, Б. Эйхенбаум и др.) и статьи «Судьба «Дубровского» берет начало советская текстология² (самый термин «текстология» принадлежит Томашевскому).

В 1928 году при подготовке к изданию (к сожалению, неосуществленному) сборника текстов Пушкина, составляющих «Майковское» собрание³, Томашевский (вместе с Н. Измайловым) пришел к мысли о необходимости и возможности передавать черновые тексты, не транскрибируя их, но аналитически — выделяя из черновиков последовательные варианты каждого стиха и группы стихов в том порядке, в каком (насколько это возможно установить) они записывались Пушкиным, то есть не механически воспроизведя внешний вид рукописи, а критически исследуя ход творческой мысли поэта. Технические приемы подобного разложения сложного автографа не были достаточно выработаны, но принцип был намечен верно и имел значение для принятой впоследствии (в 1934 и следующих годах) системы подачи вариантов в академическом издании Пушкина, работа над которым на долгие годы становится основным содержанием научной жизни Томашевского. И здесь он начинает с построения фундамента. Академическое издание поставило трудную задачу — представить весь рукописный фонд Пушкина (в том числе и все черновики). Разобраться в черновиках, подготовить основу для их датировки было невозможно без научного описания рукописей. Томашевский (вместе с Л. Модзалевским) составляет такое описание («Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме», 1937). К нему приложен каталог сортов бумаги, которой в разные годы пользовался Пушкин. Этот каталог дал возможность уточнить датировки многих произ-

² См.: Н. В. Измайлов. Б. В. Томашевский как исследователь Пушкина, в кн. «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, Изд. АН СССР, М. — Л., 1960, стр. 10—11.

³ Сохранилась часть корректуры этого издания.

ведений поэта и является незаменимым ключом для определения автографов пушкинского времени вообще.

Углубление в пушкинские рукописи приводит ученого к ряду блестящих текстологических открытий. Вот некоторые из них: им установлена правильная, логически ясная композиция «Истории села Горюхина» (1924); ему принадлежит реконструкция первоначальной XI главы «Капитанской дочки», где Пушкин делает Гринева не случайным и невольным гостем у Пугачева, а человеком, сознательно приехавшим искать у него справедливого суда над Швабриным. Такое построение текста существенно для понимания сущности отношений между Гриневым и Пугачевым (1939). В 1925 году он предположил авторство Пушкина (и разработал методику определения авторства) в отношении ряда статей в «Литературной газете» («Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения»). Вскоре появилось подтверждение его догадок. «Кстати, еще одна новость, — писал он М. Цявловскому после выхода книги, — в ПД поступила тетрадь черновиков статей Дельвига для Литературной газеты. Там нашлась статья о гекзаметрах Мерзлякова. Я торжествую, т. к. в моей брошюре утверждалось, что статья эта не Пушкина, а Дельвига. Статьи о Сен-Марсе нет. И это плюс»⁴.

В жизни Томашевского не раз бывали такие минуты торжества. В 1934 году он сделал попытку восстановить состав не дошедших до нас автографических сборников, подготовленных Пушкиным для издания, — так называемой «Тетради Всеволожского» и «Капнистовской тетради» (1934). Гипотетическое построение Томашевского подтвердилось в 1956 году, когда в Копенгагене, в архиве сказочника Ханса Кристиана Андерсена, был обнаружен лист из «Капнистовской тетради».

В настоящее время трудно представить себе жизнеописание писателя вне исторического и литературного фона эпохи. Идея и первый опыт биографии такого рода принадлежат Томашевскому, под редакцией которого в 1935 году был издан однотомник сочинений Пушкина. Требуя «вдвинуть Пушкина в исторический процесс», Томашевский имеет в виду и русскую, и мировую литературу. Особое внимание в его работах, естественно, обращено на Францию. Это обусловлено и субъективными интересами Томашевского, и особой ролью французской литературы в русской культуре первых десятилетий

⁴ Пушкинский Дом, фонд 387 М. А. Цявловского.

XIX века (Томашевский назвал эту роль «попутничеством»). Тема «Пушкин и Франция» была постоянно в сфере внимания исследователей. Этой теме он посвятил больше тридцати своих работ (некоторые из них были объединены в сборник «Пушкин и Франция», вышедший в 1960 году).

Последняя работа Томашевского — монография о Пушкине. К этой монографии он шел всю жизнь. Пушкин всегда был в центре его научных интересов. Из творчества Пушкина выводил он законы развития русского стиха, в нем видел скрещение и развитие литературных стилей, современных и предшествующих, от Пушкина прокладывал дальнейшие пути литературного развития. С 1915 года в различных журналах и сборниках печатаются историко-литературные статьи и заметки Томашевского, которые потом будут учтены в монографии, а некоторые из них составят ее конкретные разделы. Эти исследования показывают, что Томашевскому были чужды априорные решения. Факты в его работах никогда не обжимались концепцией. Поэтому такое внимание он всегда уделял материалу. Занимаясь частными исследованиями, Томашевский выбирает факты, опорные для понимания мировоззрения Пушкина и одновременно неясные, вызывающие споры в пушкиноведении. Например, в статье «„Вольность“ Пушкина» (1947) он обосновывает датировку оды декабром 1817 года (вместо предложенной Ю. Оксманом даты: 1819). Датировка Томашевского позволяет связать оду с обстоятельствами времени. Пушкин обращается с обличениями непосредственно к верховной власти, потому что в 1817 году еще были возможны те иллюзии, которые рассеялись в 1819 году, когда стало ясно, что из проектов Александра I ничего не будет осуществлено.

Одновременно выстраивается общая концепция творчества и мировоззрения Пушкина. Творческий путь поэта Томашевский рассматривает как становление реализма. Основные элементы Пушкинского реализма — «гуманистические идеи, народность и историзм». Две части этой триединой формулы — «народность» и «историзм» — исследуются в специальных статьях («Пушкин и народность» 1940; «Историзм Пушкина», 1954). Ученый оговаривает, что под «народностью» он понимает «самую проблему национальной литературы, возникающую перед писателем как общественно-эстетическое требование».

Он прослеживает сложный и длительный путь поисков, пройденный Пушкиным от абстрактного понимания историзма (сперва на основе классицизма, потом романтизма) к по-

ниманию истории как «поступательного движения человечества, определяемого борьбой социальных сил, протекающих в разных условиях для каждой страны». Основной чертой Пушкина-реалиста является создание «типических характеров, обусловленных исторически и социально», при этом «историческая точка зрения одинаково присутствует как в изображении прошлого, так и в изображении настоящего».

Суждения Томашевского о народности и историзме Пушкина выдержали испытание временем и стали общепринятыми. Однако природа романтизма и реализма и сегодня еще вызывает споры, в этих спорах своими работами участвует и Томашевский. Их четкая и строгая аргументация, насыщенность материалом предохраняют от априорных суждений и вносят ясность в теоретические вопросы.

Самой заметной из всех присущих Пушкину черт Томашевский считает «непрерывное развитие, постоянное стремление к будущему». Поэтому основную задачу своей монографии он видит в том, чтобы «познать природу тех изменений, каким подвергалась система его творчества в целом». Монографию отличает глубокое внимание к историческому процессу. Громадная эрудиция Томашевского в вопросах русской и мировой истории, политики, философии, театра позволяет раскрыть глубинные связи Пушкина с мировой историей и культурой. Книга вводит в научный оборот много нового фактического материала. Особенно это относится к Лицею и петербургскому периоду 1817—1820 годов. Привычные, штампованные формулы: «Лицей — колыбель юной поэзии Пушкина» — в книге Томашевского раскрываются как исторический факт. Здесь и внимательный анализ учебной программы Лицея и литературного быта «лицейских» и их общественных интересов.

Лучшей частью книги является анализ романтического периода творчества Пушкина, и в этой части наиболее интересно исследование «Цыган». Томашевский определяет задачу поэмы как создание типического образа современника, и притом отнюдь не как его «разоблачение»; исследователь доказывает, что идея «разоблачения» Алеко впервые была выдвинута критикой (Достоевским, а за ним А. Незеленовым) с целью дискредитации русской революционной интеллигенции 70-х годов и с тех пор прочно бытовала не только в старом, но и в советском пушкиноведении.

Монография «Пушкин» была задумана в четырех томах, но осталась незавершенной. При жизни автора вышел только

первый том (1956), где жизнь и творчество поэта доведены до михайловской ссылки. Второй том (изданный посмертно в 1961 году) обрывается на анализе «Жениха» на половине фразы: «Один разбойник ...» — как будто автор неожиданно, по незначительному поводу отложил перо. Также неожиданно оборвалась жизнь Бориса Викторовича Томашевского. Лето 1957 года он проводил, как обычно, в пушкинском Гурзуфе и каждое утро совершал километровый заплыв. В море 24 августа и настгла его смерть. Он не утонул, а умер в море, и тело его только к вечеру нашли рыбаки. Его похоронили на Гурзуфском кладбище.

Томашевский был убежден, что «вне атмосферы критицизма работать нельзя» (письмо к М. Цявловскому от 25 марта 1925 года), поэтому охотно и часто выступал в качестве рецензента. В рецензиях, как и в книгах 20-х годов, раскрывалось мастерство Томашевского-полемиста. Он умел быть острым, язвительным, беспощадным и обязательно основательным в критике, не боялся хлестких слов, умел найти слабое место в системе доказательств оппонента. Резкая полемика была его принципом. Иногда он сетовал: «Меня везде считают ругателем *rag excellence*, хотя, ей богу — это не верно. Я полагаю, что теперь можно было бы перестать жевать мякину в академическом роде и оживить полемику перебранкой» (письмо к М. Цявловскому от 28 марта 1925 года). «Перебранку» он не смешивал с бранью.

В Томашевском уживалась резкость и мягкость, суровость и доброта. Он был скуп на похвалы (в отзывах на дипломные работы иногда писал: «Все хорошо — сказать нечего»), но всегда справедлив. Он мог быть жестоким по отношению к человеку, потому что выше всего ставил интересы науки. И это не всегда ему прощалось. Свое выступление о Томашевском в Пушкинском доме 3 октября 1957 года Б. Эйхенбаум закончил словами: «Он охотно сражался и умел сражаться <...> Он был дерзок, но не от самоуверенности <...> Его многие боялись, хотя никакой власти у него не было кроме одной (правда, большой) — власти ума». Однако многие знали его иным — не дерзким борцом, а человеком большого гражданского мужества, широкой души и щедрого таланта. Образ Томашевского живет в памяти людей, его знавших, а труды его продолжают влиять на судьбы советского литературоведения.

Я. Левкович

Томашевский — студент

Совещание пушкинистов (конец 1920-х гг.)

На снимке: М. А. Цявловский, П. Н. Сакулин, Н. К. Пиксанов, Л. П. Гроссман,
В. В. Вересаев, П. Е. Шеголев, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский,
Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман

В гостях у Д. П. Якубовича

Слева направо: Б. В. Томашевский, А. Л. Слонимский (почти не виден),
С. А. Рейсер, Д. П. Якубович, Г. А. Гуковский, Л. Б. Модзалевский, С. М. Бонди,
Ю. Г. Оксман, Т. Г. Зенгер, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский.
Сидит — хозяйка дома, жена Д. П. Якубовича

Портрет

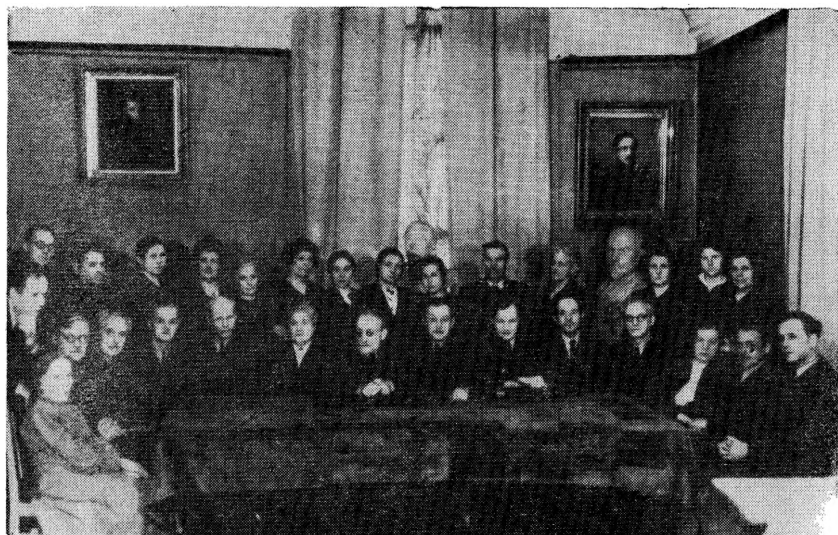
Среди сотрудников Рукописного отдела (1948 г.).

Сидят: Б. В. Томашевский, М. И. Малова.

Стоят: Л. П. Клочкова, Г. Ф. Граменицкая, Б. Л. Модзалевский, Т. В. Гарманева,
Б. Н. Капелюш, Л. М. Добровольский, М. П. Султан-Шах, В. В. Данилов,
К. Н. Григорьян

Б. В. Томашевский в кабинете Рукописного отдела

Б. В. Томашевский среди сотрудников Пушкинского Дома

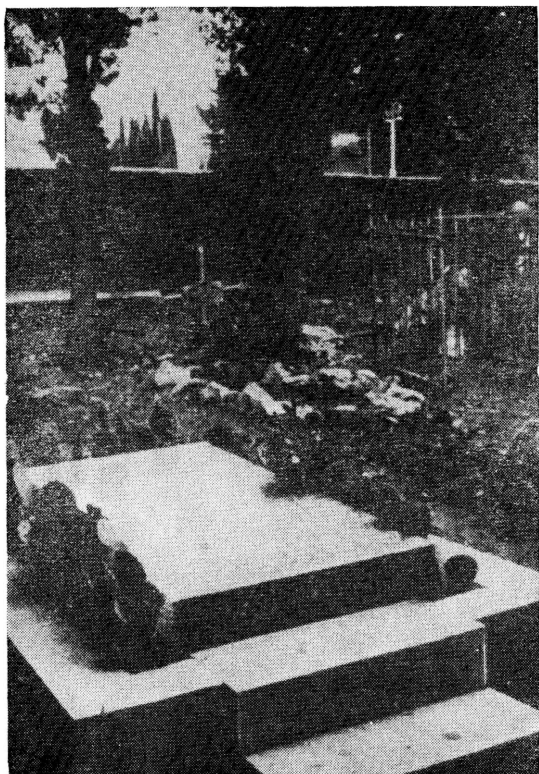
Сидят слева направо: К. Д. Муратова, М. О. Скрипиль, В. Я. Пропп,
Н. В. Измайлов, Л. М. Добровольский, А. М. Астахова, В. А. Десницкий,
Б. В. Томашевский, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах, П. Н. Берков,
В. П. Андрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев.
Стоят слева направо: Б. И. Бурсов, Н. В. Яковлев, К. Н. Григорьян,
П. Г. Ширяева, Е. А. Гуськова, А. С. Мудрова, Т. П. Ден, Л. Н. Назарова,
М. И. Малова, Л. П. Клочкова, С. Г. Бобров, В. А. Буткова, Т. В. Гармашева,
Г. Г. Шаповалова, В. И. Хржонстовская

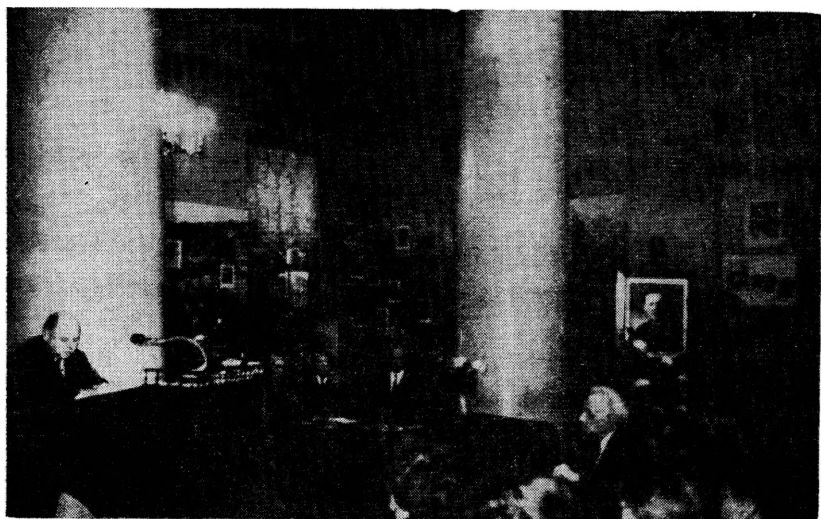
*Б. В. Томашевский. Выступление
в Святогорском монастыре*

Б. В. Томашевский в Гурзуфе

Могила Б. В. Томашевского в Гурзуфе

Научное заседание, посвященное памяти Б. В. Томашевского (1967 г.)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. В. ТОМАШЕВСКОГО

Борис Викторович Томашевский родился 29 (17) ноября 1890 г. в С.-Петербурге.

1900—1908 гг. Учился в 5-й петербургской гимназии (С.-Петербург).

1908—1912 гг. Студент технического факультета Льежского университета (Бельгия).

1912 г. Окончил Льежский университет с дипломом инженера-электрика.

1915—1918 гг. Техник и инженер 12-й инженерной строительной дружины III действующей армии Западного фронта.

1918—1919 гг. Заведующий отделением Народного комитета почт и телеграфов (Москва).

1919—1920 гг. Инженер Управления по сооружению ж. д. Казань — Екатеринбург (Москва).

— Избран членом «Московского лингвистического кружка» и «Общества любителей российской словесности при Московском университете».

1920—1921 гг. Инженер Главного комитета гос. сооружений ВСНХ (Москва).

1921—1922 гг. Заведовал статистическим отделением в Управлении по сооружению ж. д. Петроград — Орел (Петроград).

1922—1924 гг. Действительный член Института живого слова (Ленинград).

— Научный сотрудник Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина при Академии наук (Ленинград).

1922—1928 гг. Преподаватель Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусств и действительный член Института истории искусств (Ленинград).

1923 8/X — 1930 1/VII гг. Научный сотрудник I разряда Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ, с 1924 г. секретарь Секции новой и новейшей литературы, с 1928 г. секретарь Комиссии международного литературного обмена (Ленинград).

1924 г. Член Ленинградского союза писателей, в 1924—1925 гг. секретарь Правления, в 1925—1926 гг. член ревизионной комиссии (Ленинград).

1924—1931 гг. Доцент факультета общественных наук Ленинградского гос. университета.

1927 XII — 1928 II гг. Командирован в Париж для научной работы.

1929 25/XII — 1932 1/VIII гг. Ученый хранитель в Пушкинском Доме (Ленинград).

1932 26/X — 1935 7/II гг. Ассистент кафедры математики Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

1934 г. Действительный член Союза советских писателей.

1937—1941 гг. Исполнял должность профессора в Ленинградском гос. университете.

1938—1942 гг. Исполнял должность профессора в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, в 1941—1942 гг. заведовал кафедрой русской литературы.

1940 1/X — 1941 22/VIII гг. Старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

1941 15/II г. Присуждена степень доктора филологических наук без защиты диссертации.

1941—1942 гг. Председатель Ученого совета Литературного факультета Ленинградского педагогического института им. Герцена.

1942 27/X г. Утвержден в звании профессора по кафедре «Русская и всеобщая литература».

1942—1944 гг. Заместитель директора по учебной части в Литературном институте при СП СССР (Москва).

1942—1945 гг. Профессор Московского городского педагогического института и Московского государственного педагогического института иностранных языков (Москва).

— Член экспертной комиссии ВАК при ВКВШ.

1943 г. Избран членом Литературной комиссии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей.

1944 г. Председатель комиссии по государственным экзаменам в Ленинградском гос. педагогическом институте им. Герцена (Ленинград).

1945—1946 гг. Зав. кафедрой всеобщей литературы в Ленинградском пед. институте им. Герцена.

1946 II г. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941—1945 гг.».

1945 I/IX г. Старший научный сотрудник, с 1 мая 1946 г. зав. Рукописным отделом, с 25 января 1957 г. зав. Сектором изучения жизни и творчества Пушкина в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

1957 24/VIII г. Умер в Гурзуфе.

КНИГИ Б. В. ТОМАШЕВСКОГО

Опубликованы четыре библиографических обзора, включающие книги, статьи, текстологические и редакторские работы Б. В. Томашевского:

1. Ученые записки ЛГУ, № 261. Серия филологических наук. Вып. 49. Л., 1958. С. 174—194 (здесь перечислены 245 работ, появившихся в печати в 1915 по 1958 гг.; составитель В. В. Зайцева).

2. Б. В. Томашевский. Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1961. С. 542—554 (перечислены 156 работ Томашевского по пушкиноведению, опубликованных в 1915—1961 гг.; составитель В. В. Зайцева).

3. Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 481—484. (перечислены 30 работ периода 1915—1959 гг. по теме: Пушкин и французская культура).

4. International journal of Slavic linguistics and poetics. 'S-Gravenhage, 1959. № 1—2. P. 316—343. (перечислены 239 книг, статей и рецензий с 1915 по 1958 гг.; составитель В. В. Зайцева).

Ниже дается перечень книг Б. В. Томашевского в порядке появления в печати их первых изданий:

1. «Гавриилиада» А. Пушкина. Текст, исследование. Пг., 1922.
2. Русское стихосложение. Метрика. Пг., Academia, 1923.
3. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., «Образование», 1925.
4. Теория литературы. Поэтика. Л., ГИЗ, 1925.
Изд. 2-е, исправленное. М.; Л., 1927.
Изд. 3-е, исправленное. М.; Л., 1927.
Изд. 4-е. М.; Л., 1928.
Изд. 5-е, исправленное. М.; Л., 1930.
Изд. 6-е. М.; Л., 1931.
5. Краткий курс поэтики. М.; Л., ГИЗ, 1928.
Изд. 2-е — 1929.
Изд. 3-е — 1929.
Изд. 4-е — 1930.
Изд. 5-е — 1931.
6. Писатель и книга. Очерк текстологии. Л., Прибой, 1928.
Изд. 2-е. М., Искусство, 1959.
7. О стихе. Л., Прибой, 1929.
8. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.; Л., Изд. АН СССР, 1937 (в соавт. с Л. Б. Модзалевским).
9. Пушкин и родина. М.; Л., Изд. АН СССР, 1941 (в соавт. с А. И. Грушкиным).
10. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1949 юбилейный год. М.; Л., АН СССР. Ин-т рус. лит., 1951.
11. Пушкин. Кн. 1 (1813—1824). М.; Л., Изд. АН СССР, 1956.
12. Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., Учпедгиз, 1959.
Изд. 2-е, исправленное и дополненное: Томашевский Б. В. Стилистика. Учеб. пособие. Л., Изд-во ЛГУ, 1983.
13. Стих и язык. Филологические очерки. Л., Гослитиздат, 1959.
14. Пушкин и Франция. Л., Сов. писатель, 1960.
15. Пушкин. Кн. 2. Материалы к биографии (1824—1837). М.; Л., Изд. АН СССР, 1961.

ЛИТЕРАТУРА О Б. В. ТОМАШЕВСКОМ

Борис Викторович Томашевский. [Некролог] // Учен. зап. ЛГУ. № 261. Серия филол. наук. Вып. 49. Л., 1958. С. 173—174.

Ивлев Д. Д. Б. В. Томашевский как исследователь пушкинского стиха // Пушкинский сборник. Вып. 2. Рига, 1974. С. 56—86.

Измайлов Н. В. Борис Викторович Томашевский. [Некролог] // Известия Академии наук СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. 17. Вып. 1. М., 1958. С. 105—108.

Измайлов Н. В. Б. В. Томашевский как исследователь Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 5—24.

Левкович Я. Л. Борис Викторович Томашевский // Вопросы лит. 1979. № 11. С. 201—219.

Левкович Я. Л. Б. В. Томашевский // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 14 (в печати).

Маймин Е. А. Борис Викторович Томашевский: очерк-воспоминание // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986. С. 155—164.

Муратов А. Б. Проблемы стилистики в научном наследии Б. В. Томашевского // Томашевский Б. В. Стилистика. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и допол. Л., Изд-во ЛГУ, 1983. С. 284—288.

Павлюк Н. В. Работы Б. В. Томашевского о языке и стиле А. С. Пушкина // Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Кишинева и Одессы. Т. 2. Кишинев, 1961. С. 562—574.

Памяти Б. В. Томашевского (1890—1957) // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8. С. 153—154: портр.

Томашевский и Московский лингвистический кружок // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 422. Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. С. 113—132.

Эйхенбаум Б. М. Текстологические работы Б. В. Томашевского // Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., Искусство, 1959. С. 5—22.

Jakobson R. Boris Viktorovič Tomasevskij. 1890—1957. [Некролог] // International journal of Slavic linguistics and poetics. 'S.-Gravenhage, 1959. N 1—2. P. 313—316: портр.

Karasińska Irena. Borys Tomaszewski — puşkinolog radziecki // Życie i myśl. Warszawa, 1962. Vok. XII. N 1—2. S. 194—197.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ Б. В. ТОМАШЕВСКОГО

3 октября 1957 г.

В. Г. БАЗАНОВ:

Борис Викторович прошел сложный и нелегкий путь. Ему, как и любому другому крупному литературоведу, в молодости были свойственны увлечения и отдельные заблуждения, все превратности жизни. Но важно другое: Борис Викторович всегда чувствовал себя в пути. На досуге он любил бродить по горным кручам, и как ученый он был неутомимым разведчиком, не знавшим усталости.

Сидел ли Борис Викторович за рабочим столом или присутствовал на заседании Ученого Совета, он всегда был на пути к новым открытиям.

В этом движении истоки его молодости, энергии, богатых помыслов и пылкого энтузиазма, которыми обладал дорогой нам Борис Викторович.

Н. В. ИЗМАЙЛОВ:

<...> Борис Викторович принял самое близкое участие в академическом издании, и ему принадлежит тут первый, я прямо скажу, научный подвиг — это подготовка VI-го тома академического издания (тома, где «Евгений Онегин»). По заданию редакционного комитета нужно было подготовить том в сжатые сроки: издать его к столетию со дня смерти Пушкина, а работа была такова, что разделить между несколькими работниками было невозможно. Эту работу взял на себя Борис Викторович и блестяще выполнил в те немногие месяцы, которые были в его распоряжении.

<...> Я вспоминаю, думая о нем то, что писал Пушкин Плетневу, когда получил известие о смерти Дельвига. Пушкин писал:

«Из всех связей детства (применительно к Борису Викторовичу это не связь детства, но связь по работе за многие десятилетия) — он один остался на виду, около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам, сколько нас?»

Да, мы осиротели без Бориса Викторовича. Для меня до сих пор непредставимо, что его нет! Как-то невозможно думать о нем в прошедшем времени, как о бывшем!

Возвращаюсь к тому же письму Пушкина:

«Говорили о нем, называя его ПОКОЙНИК Дельвиг (покойник Томашевский), и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся: ПОКОЙНИК Дельвиг — быть так!»

ПОКОЙНИК Томашевский! Быть так! К нему неприложимо это слово. Особенно в приложении к нему странен и страшен этот эпитет! Это был человек необыкновенный по своему уму, по своей широте, по своему жизнелюбию, по своеобразию мышления, по твердости духа, по многообразию и своеобразию качеств.

Он любил жизнь во всех ее проявлениях: в науке, поэзии, общественной жизни, в музыке, в изобразительном искусстве. Он занимался и математикой, и техникой. Он был эрудирован в самых необычайно далеких областях. Он жадно жил, любил жизнь, любил людей.

В каждом человеке он искал нового, интересного. Он любил отыскивать молодые дарования, любил поддерживать советом, указанием, участием. Ведь под суровой внешностью (а внешность его была суровой, и он умел быть суровым!) — скрывалась большая любовь к людям, душевная теплота,

готовность помочь человеку. Чем труднее было положение человека, тем охотнее, с большей энергией и самопожертвованностью он ему помогал.

Его непоколебимость в убеждениях и в принципах была необычайна, это был человек, которого ничем нельзя было заставить отказаться от убеждения, от того, что он считал истиной. Он был готов в вопросах общественных и вопросах принципиальных, как научных, так и общественных, и вопросах личного поведения, готов был на какую угодно борьбу и вступал в борьбу. Он был борцом по природе и выходил в конце концов победителем из этой борьбы, потому что на его стороне была правда, убежденность, принципиальность, был его высокий и широкий ум.

Он бы мог о себе сказать словами Державина: «я горяч и в правде черт». Выражение резкое, но подходящее к Борису Викторовичу.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ:

Если вернуться к той задаче, которую я себе поставил, т. е. к попытке набросать исторический силуэт научной личности Томашевского, то я бы, подводя итоги этому очень сжатому материалу, сказал: теоретические работы Томашевского представляют собой неосуществленную мечту о создании единого труда по поэтике, в который вошли бы три раздела, которые входили в учебник: стилистика, метрика, тематика.

Почему неосуществленную? Потому что в том виде, как это было сделано, это было только приведение в порядок. Не была осуществлена Томашевским та мечта, которую он ставил в стиховедении: найти центр, найти объединение всех частей. Эта мечта не была достигнута, и это составляло, как мне кажется, научную трагедию последних лет жизни Бориса Викторовича (не боюсь этого слова), когда он производил впечатление человека мятущегося, рвущегося, ищущего, идущего к тому, чтобы доработать, доделать то, что было задумано в двадцатые годы.

Вместе с Томашевским на время ушла целая научная область, целый пласт литературоведения. Нелегко будет заменить его в ближайшие годы в той области, которую он создал, которую вместе с тем он не довел до полного осуществления.

Мне кажется, что в нем было много противоречий не только психологических, но противоречий как ученого. Со стороны он производил впечатление человека очень уверенного. На самом деле нет! Он охотно сражался и умел сражаться. Об этом помнят все. Он был дерзок, но не от самоуверенности. У него было много врагов. Его многие боялись, хотя никакой власти у него не было, кроме одной (правда, большой) — власти ума.

С. М. БОНДИ:

<...> Самое характерное, что при всех его противоречиях, при всех наших несогласиях с ним (а мы с Борисом Викторовичем на пятьдесят процентов по всем вопросам сходились и на пятьдесят процентов расходились) надо иметь в виду его основные свойства как ученого: это огромный ум, который блестел, как солнце. Чем бы он ни занимался, в какой бы области не обнаруживал себя: пишет ли книгу, редактирует ли текст, дает ли справку по частному вопросу — вы видели в нем человека громадного ума, т. е. человека необычайной пронизательности, который сразу ухватывает существо дела, который умеет отличить существенное от несущественного, не занимается пустяками, а видит главное.

Второе — громадная научная добросовестность, о чем все говорили.

<...> Борис Викторович — образец этой добросовестности, этой принципиальности. Об этом уже говорили, но надо это повторить. Ни одного положения он не оставлял без аргументации, и если для этого надо было влезать в другую область, он влезал. Если надо привести материал на незнакомом языке, он изучал его и приводил. Если надо было изучить историческую эпоху, он ее изучал. Этой добросовестностью объясняется та разносторонность, которая так поражала нас всех в Борисе Викторовиче.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ О СЕБЕ

(Из служебной записки Томашевского о кадрах РО ИРЛИ)

... Если перейти к вопросу о благополучии или неблагополучии положения дел в Рукописном отделе, то я должен заметить следующее.

Всего неблагоприятнее дело обстоит с заведующим Отдела. По характеру своей квалификации и своим научным интересам заведующий не может быть причислен к числу специалистов архивного дела, хотя и имеет некоторый стаж по прежней работе в Архиве Института и некоторый опыт исследовательской работы в архивах. К сожалению, повышать свою квалификацию архивного работника я не могу, так как все время занят посторонней исследовательской работой или выполнением разных поручений по Институту (напр. издание соч. Лермонтова, рецензии на многочисленные работы разных авторов). Из пяти недельных шестичасовых рабочих дней два-три заняты заседаниями, остальное время уходит либо на консультации, устные и письменные, лиц, обращающихся в архив, либо на выполнение своей плановой работы по Архиву (научное описание автографов Пушкина). Таким образом, заведование архивом сводится к консультации сотрудников и к несистематическому и недостаточному контролю общего хода работы, и то, обычно, в связи с отчетными сроками. Я был приглашен тогда, когда в Архиве работал Л. Б. Модзалевский и предполагалось, что текущая работа будет выполняться им совместно с Добровольским. После смерти Модзалевского вся тяжесть пала на Добровольского. Отмечу, что по своему возрасту я уже не могу перенапрягать сил, и после рабочего дня в Институте домашняя моя работа мало продуктивна. Замечу, что я не могу, без ущерба для своей научной квалификации отказаться от работы по совместительству в Университете, отнимающей у меня помимо дня в неделю и мой домашний досуг, и от редких выступлений с лекциями и докладами (напр. перед аспирантами Института).

Если бы не сработанность коллектива Рукописного отдела, деятельность заведующего в таких условиях привела бы к развалу работы отдела. Поэтому я не считаю себя в праве критиковать работников своего отдела, тем более, что за последнее время не наблюдал грубых упущений или сознательных нарушений трудовой дисциплины. Я думаю, что наиболее суровая критика должна быть направлена против меня, как заведующего Отделом, а это с достаточным успехом могут сделать работники отдела.

Б. Томашевский